

- Недашковская Н.И. «Европа есть собственно полуостров Азии...»: пространственные идеологемы в научных текстах славистики XIX века // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. Т. 151. Кн. 2, ч. 1. Казань, 2009.
- Никулина М.В. Первые научные путешествия в славянские земли и их роль в истории русского славяноведения // Из истории славяноведения в России. Ученые записки Тартуского университета. 1981. С.75-94.
- Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. М., 1970.
- Павленко О.В. Культурные и политические аспекты «православной миссии» России в землях австрийских славян в XIX в. // Российское общество и зарубежные славяне в XVIII – начале XIX. Балканские исследования. М., 1992. Вып. 16. С. 89–105.
- Рокина Г.В. Теория и практика славянской взаимности. Казань: Изд-во Казанского государственного ун-та, 2005.
- Сергеев А.В. Исторические взгляды В.И. Григоровича. Казань: Изд-во КГУ, 1978.
- Смирнов С.В. Первые русские слависты и Чехия // Труды по русской и славянской филологии. Ученые записки Тартуского университета. 1973. С. 47-176.
- Францев В.А. Очерки по истории чешского возрождения: русско-чешские ученые связи конца XVIII - первой половины XIX ст. Варшава. 1902.

Рокина Галина Викторовна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола; galina@rokina.ru

SLAVIC QUESTION IN RUSSIA IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY: V.I. GRIGOROVICH'S TRAVEL TO SLAVIC LANDS ABBROAD

This article analyzes the key stages in developing the Slavic question in Russia during the reign of Alexander I and Nicholas I and the first phase of development of Slavic Studies as a new University subject. The paper demonstrates the importance of foreign trips by Russian Slavic scholars, including Kazan Slavist V.I. Grigorovich, to Slavic lands abroad.

Key words: study of the history and literature of the Slavs, Slavic question, Russian-Austrian relations, Slavic mutuality, V.I. Grigorovich.

Rokina Galina Viktorovna, Doctor of History, Professor, Department of General History of Mari State University, Yoshkar-Ola; galina@rokina.ru

УДК 94(367):929"18"

Белов М.В.

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСИ В.И. ГРИГОРОВИЧА В КОНТЕКСТЕ СЛАВЯНО-БАЛКАНСКИХ ТРАВЕЛОГОВ ЕГО ВРЕМЕНИ

Научный травелог В.И. Григоровича был составлен на основании его донесений попечителю Казанского учебного округа М.Н. Мусину-Пушкину, которые подверглись минимальной правке. Помимо условий выхода книги, эмоциональную и литературную скупость травелога Григоровича, вероятно, определила специфика личности и карьерного пути ученого.

Ключевые слова: В.И. Григорович, история славистики, литература путешествий.

В не самое удачное для отечественной славистики время, в 1848 г. в «Ученых записках Казанского университета» был опубликован «Очерк ученого путешествия по Европейской Турции» Виктора Ивановича Григоровича. Когда уже в следующем веке, спустя 67 лет после первого издания «Очерка», Н.М. Петровский опубликовал донесения Григоровича попечителю Казанского учебного округа М.Н. Мусину-Пушкину¹, читателю, сравнившему их тексты, было очевидно, что они в основном совпадают. «Очерк» представляет собой подвергнутый лишь минимальной правке вариант тех же донесений. Как указывает автор одной из биографической статей о Григоровиче (С.Б. Бернштейн), «к сожалению, издание было осуществлено наспех и в него вкралось много ошибок и опечаток. Есть сведения, что Григорович позднее много работал над подготовкой нового издания. И.И. Срезневский утверждал, что существовала новая редакция «Очерка». Однако после смерти Григоровича в его бумагах она не была обнаружена»².

Хорошо известно, что путешествие Григоровича, которое состоялось несколько позднее заграничных поездок других предста-

¹ Петровский Н.М. Путешествие В.И. Григоровича по славянским землям // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. № 12. С. 220–221. История работы Петровского над наследием Григоровича раскрывается в его переписке: И это всё пройдет... Судьба и время: русские интеллигенты в начале XX в. Переписка Нестора Мемноновича Петровского и Сергея Ивановича Порфирьева (1899–1921 гг.). Казань, 2012: № 85. 5 июля 1914 г.; № 88. 7 ноября 1914 г.; № 89. 22 декабря 1914 г.; № 90. 18 января 1915 г.; № 91. 30 января 1915 г.; № 92. 20 марта 1915 г.; № 93. 21 марта 1915 г.; № 94. 19 апреля 1915 г.; № 95. 30 апреля 1915 г.

² Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979. С. 132.

вителей первого поколения университетских славистов, занимает в их ряду совершенно особое место. В отличие от того же Срезневского, О.М. Бодянского или П.И. Прейса, Григорович отправился первым делом не в Вену или Прагу, а во внутренние области Османской империи – в Салоники и на Афон, затем в Македонию и Болгарию. Именно эта первая часть его поездки является подвигом во имя науки без всяких натяжек, учитывая тяготы передвижения по местам, отстоящим от магистральных маршрутов из Азии в Европу, где редко появлялись образованные европейцы. Донесения и составленный на их основании «Очерк» повествуют о подобных затруднениях, а порой об унижениях и страхе, испытанных во время этой поездки. И все же такой режим эмоциональности этих сообщений очень узкий. «Нередко здесь язык Эзопа, и надо читать между строк», – заметил в свое время еще А.А. Кочубинский¹. Столь же скуп Григорович в изъятии чувств по отношению к объектам своих исследований – прежде всего, к болгарам, воскрешением прошлого которых, следуя здесь за Ю.И. Венелиным, он занимался. Впрочем, это не помешало ему стать второй после Венелина «русской легендой» в Болгарии эпохи «национального возрождения» и ее наследников.

Напряжение, в котором находится текст «Очерка», верно подмечено Е.А. Вишленковой и её соавторами. Они отметили воздействие на Григоровича «флера экспедиционной романтики», что роднит его с казанскими востоковедами. Однако «реалии такого исследования таили для участника не только радость открытия, но и нешуточные опасности и разочарования. <...> Компенсацией за эти страдания было его научное признание коллегами, профессиональное восхищение его исследовательским подвигом.

Впрочем, такое отношение к научным заслугам коллег в 1840-е годы еще не стало «общим местом» университетской жизни России»². Тем не менее, путевые тексты Григоровича ориентированы почти исключительно на эту узкую корпорацию профессионалов, явно не претендуя на более широкое признание. Центральное место в описании путешествия занимает перечисление обнаруженных древних рукописей и артефактов. Охота за непризнанными сокровищами (и борьба за их признание) составляют главный организующий сюжет рассказа, если его во-

¹ Цит. по: Петровский Н.М. Указ. соч. С. 221.

² Вишленкова Е.А., Галиулина Р.Х., Ильина К.А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М., 2012. С. 173–174.

обще можно здесь обнаружить, а веками в развитии становится преодоление всевозможных трудностей на пути к ним, пускай, о них можно было поведать и в более живописной форме.

Как известно, все путешествовавшие слависты составляли и направляли отчеты о проделанной за границей работе функционерам министерства народного просвещения. Они публиковались в Журнале министерства и таким образом становились достоянием некоторой части публики, заинтересованной успехами российской науки и образованности. Отчеты становились изобретением гибридного текста, в котором учитывались эти обстоятельства. Они совмещали трафареты бюрократической отчетности с еще не вполне ясными гранями академизма и популяризации. Градус личной вовлеченности автора и соответствующих ей признаков эмоциональности в этих текстах при этом варьировался, хотя, безусловно, всегда оставался низким¹.

Однако при этом все путешествовавшие слависты вели параллельные записи впечатлений, гораздо более окрашенные личной оценкой, в виде дневников или писем, иногда лишь имитируя форму частной переписки, что давно стало устойчивой литературной формой. Эти записи были ориентированы на формы путевой прозы, развивавшейся параллельно, за пределами академического поля. Фигуры этих образцов словесности во многом совпадают и перекликаются. Они отмечены картинными стилизациями архаической повседневности или романтической иронией, скрадывающей культурный шок. Так, например, одним из важнейших источников, относящихся к командировке Срезневского в славянские земли, являются его письма матери Елене Ивановне. По справедливому замечанию М.Ю. Досталь, «зачастую письма имели характер дневниковых записей, позволяющих день за днем следовать за молодым ученым в его путешествии...»².

¹ Ср.: Недашковская Н.И. Историографический нарратив «путешествия в славянские земли с ученой целью» в допозитивистской славистике // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2012. Т. 154. Кн. 3. С. 137. Замечание автора о том, что «в программах научных путешествий в славянские земли, разработанных первыми профессиональными славистами, присутствует сознательная установка на идентификацию исследователя с тем «Другим», которого предстоит открыть», следует понимать исключительно как академический пафос ожидаемых результатов, который резонировал с бюрократическим пафосом государственного служения.

² Досталь М.Ю. И.И. Срезневский и его связи с чехами и словаками. М., 2003. С. 46–47. Краткий анализ повествовательной стратегии этих текстов см.: Белов М.В. Варвары или братья? Балканские славяне глазами русских наблюдателей первой половины XIX века // Цивилизация и варварство: парадоксы победы цивилизации над варварством / под ред. В.П. Будановой, О.В. Воробьевой.

К тому же, все или же подавляющее большинство из авторов 1840-х гг. и первого поколения университетских славистов (сомнения у исследователей вызывает только фигура Прейса) были концептуально связаны с моделью «славянской взаимности»¹. В путевых записях Григоровича она выражена вовсе не так отчетливо, во всяком случае, романтическая патетика им совершенно чужда (она заменена скромной патетикой антиквара).

Если же мы обратимся к дневникам Григоровича, не предназначавшимся для печати, то не найдем в них следов литературной переработки опыта путешествия, и пожалуй единственным отличием от его же посланий Мусину-Пушкину будет сгущенная подозрительность и настороженность – скорее стресс опасности, нежели культурный шок руководит пером автора. В некоторых случаях, можно заподозрить Григоровича в предубежденной мизантропии. Об австрийском консуле Михановиче, хорвате по происхождению, он пишет: «Моя откровенность делала иногда его дерзким. Смесь славянского добросердечия с пронырливостью»². Об игумене монастыря св. Наума, который и в «Очерке» обрисован крайне неприглядно: «Физиономия его черствая, и не суровая, а зверская»³. Подобные характеристики можно приумножить, все они нелестные, и отличаются лишь степенью неприязни: «Монахи – кривой, горбатый, тщедушный, сишный, сумасшедший, гипохондрикский. И все бахчишники»⁴. О том же монастыре св. Наума: «Попы [–] ограниченные влахи. Изгнанный игумен из Яковца – поумнее, хитроват»⁵. Запись, сделанная в Серрисе: «Митрополит Аванасий молодой, хитрый»⁶. Болгары в этих солунских записях встречаются нечасто: «Булгары – работники из Кюстендели, очень ограничены и добросердечны. Вырабатывают за сбор маслин по

60 пар в день»¹. Выше без указания на национальность о постоялом дворе в Ерисе: «Хозяин груб и глуп. Хозяйка жадная»².

Эти характеристики, как уже очевидно, построены на схематических контрастах, причем клонятся к негативным полюсам. Умен – глуп (ограничен), добросердечен – зол, жаден, хитер. Но, вопреки ожиданиям, в отдельных случаях, я имею в виду Михановича, добросердечие может сочетаться с пронырливостью. Складывается впечатление, что Григорович отдавал предпочтение скорее вещам (рукописям и надписям), чем живым людям.

В официальных донесениях и печатном очерке нравственные оценки сглажены, но общая схема воспроизводится. Поскольку «Солунь, представляя много любопытного антиквару, едва ли может оправдать предположение славяниста», Григорович первоначально занялся поисками воспоминаний о Кирилле и Мефодии. И только затем он переходит к этнографическому анализу: «Несмотря на близость болгарских поселений, в Солуни мало постоянных жителей болгар. В махале (части города) св. Афанасия находится только сто домов, им принадлежащих. Большинство жителей составляют евреи разных сект и турки, затем македонские валахи и греки живут здесь в весьма близком между собою сходстве. Сверх этого, много цыган и, наконец, европейцев. Болгары, как постоянные жители, весьма легко смешиваются с греками от влияния образования и господствующего в городах Македонии пренебрежения к имени их. Мне особенно важно было сближение с рабочими пришельцами из болгар. Таких очень много в Солуни. Особенно из Дебра и Битоля приходят туда промышленники для построек, портных работ и заготовления съестных припасов. Они, могу сказать, познакомили меня с своим народом»³. Сверившись с дневником, мы понимаем, что это всего лишь слова, вписанные в официальный отчет. Они отнюдь не отражают реалистической оценки этих сезонных тружеников как информаторов.

Между тем ситуация меняется в описании Рыльской обители и отца Неофита или габровского училища, где отчетливо фаворитизируются деятели болгарского возрождения. И даже выступивший в качестве гида путешественника турок удостоился по-

Вып. 2. М., 2013. С. 327–328. В архивных материалах сохранились фрагментарные черновики описаний этих поездок, отличающиеся от опубликованных писем: Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 436. Оп. 1. № 22, 31. Кроме того, Срезневский направлял путевые письма В. Ганке, который публиковал их на страницах Журнала Чешского музея: Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель / издал В.А. Францев. Варшава, 1905. С. 945–1108.

¹ Общая оценка вовлеченности первых университетских славистов в «теорию взаимности»: Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян / отв. ред. Д.Ф. Марков и В.А. Дьяков. М., 1988. С. 139.

² Цит. по: Петровский Н.М. Указ. соч. № 11. С. 62.

³ Там же. С. 75.

⁴ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 86. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 64об.

⁵ Там же. Л. 77.

⁶ Там же. Л. 81.

¹ Там же. Л. 16. 16 октября 1844 г.

² Там же. Л. 15.

³ Донесения В.И. Григоровича об его путешествии по славянским землям. Казань, 1915. С. 133–134; Григорович В.И. Очерк путешествия по Европейской Турции. Изд. 2-е. М., 1877. С. 88–90.

хвалы в этой части «Очерка»¹. Здесь Григорович выступает в качестве летописца успехов «национального возрождения» и его пропагандиста, что вписывается в ожидания его предшественников на благотворное влияние просвещения.

Помимо условий выхода книги, о которых была сказано в начале, эмоциональную и литературную скупость травелога Григоровича, вероятно, определила и специфика личности ученого. Учившийся у Григоровича и часто общавшийся с ним А.И. Соколов жаловался в воспоминаниях: «Жаль, что он не описал личные свои впечатления разного рода бед и приключения, испытанные им во время странствования в Турции. Я слышал от него немало интересных эпизодов из его путешествия, которые составили бы любопытное чтение. На мои просьбы записать свои рассказы и напечатать их Григорович обыкновенно отвечал, что “у него нет таланта к изложению такого рода повествований”»². В этих словах кроется определенное лукавство, поскольку устные рассказы путешественника смогли заинтересовать слушателя, то есть как раз были отмечены подобным талантом.

Кажется, Григорович сознательно минимизировал личностное присутствие в изложении материалов своего путешествия. Мемуаристы и биографы были убеждены, что «...воспитание [в пансионе базилианского ордена] оказало отрицательное влияние на отдельные черты характера будущего ученого, выработало в нем излишнюю застенчивость, неуверенность в себе, доходившую порой до самоунижения. Эти черты, отмеченные многими мемуаристами, позднее закрепились конкретной действительностью «казарменной» России. Как правило, он избегал откровенных бесед, часто маскировал свои убеждения»³.

Мемуарные легенды о Григоровиче закономерно разнятся. В одних воспоминаниях его образ идеально укладывается в стереотип чудаковатого антиквара, изолированного от жизни рукописями и фолиантами: «...чтения Григоровича не представляли ничего привлекательного для тех, которые не интересовались его предметом. Ни способ изложения, ни самые приемы профессора не привлекали студентов, даже во многих возбуждали насмешку. Да и нельзя было иногда не посмеяться добродушно над неловкостью, крайней рассеянностью и оригинальностью

¹ Там же. С. 125–133, 144–145. Ср.: Донесения... С. 169–175, 183–185.

² Петровский Н.М. Указ. соч. № 12. С. 221.

³ Сергеев А.В. Исторические взгляды В.И. Григоровича. Казань, 1978. С. 5–6.

Григоровича...»¹. Но целая группа оценочно-полярных мемуарных свидетельств (начиная с дневниковой записи А.И. Герцена от 8 января 1843 г.) позволила его биографу заключить: «Григорович не ограничивался университетской жизнью: его глубоко волновали все важные вопросы эпохи. <...> Близок был Григорович к передовому студенчеству Казанской духовной академии и университета»².

Практики маскировки и дистанцирования в чем-то сближают Григоровича с более ранней фигурой в истории отечественной славистики – П.И. Кеппеном, который отправился в заграничное путешествие в начале 1820-е гг., когда потерпел крах его лично значимый проект общественного служения в духе «гражданского романтизма»³. Но есть и существенное различие. Либерал Кеппен был преисполнен ориенталистскими предрассудками, и лишь однажды под личиной француза позволил себе ступить на турецкую землю, в то время как Григорович отправился в самое «сердце тьмы» за чудесными находками, претендуя на личный научный подвиг во имя еще не обретшей весомого общественного престижа славистики. Впрочем, говоря об особенностях повествовательной стратегии Григоровича, следует иметь в виду его зависимость от системы бюрократического патронажа, которому он был обязан за ускоренное продвижение в академическом мире⁴. Вероятно, это обстоятельство также предопределило ориентацию «Очерка» Григоровича о его научном путешествии на официальную отчетность.

Фигура Григоровича и противоречивые стратегии представления содержания его заграничной поездки (в письменных текстах и устных рассказах ученого) демонстрируют сложные

¹ Русское и славянское языкознание в России середины XVIII–XIX в. (в библиографических очерках и воспоминаниях современников). Учебное пособие. Л., 1980. С. 115. Однако вслед за этой характеристикой тот же анонимный мемуарист пишет о тесном общении с ученым и захватывающих рассказах о его заграничной поездке. Там же. С. 115–117.

² Сергеев А.В. Указ. соч. С. 11, 13 и др.

³ Белов М.В. Славянская тема в путевом дневнике П.И. Кеппена: от сентиментализма к романтической этнографии // Славяноведение. 2011. № 1. С. 95–104.

⁴ См.: Вишленкова Е., Ильина К. Об ученых степенях и о том, как диссертация в России обрела научную и практическую значимость // Новое литературное обозрение. 2013. № 4 (122). С. 95–97, 101. Как указывают авторы в заключении этой статьи, «...заинтересованное, казалось бы, в защите корпоративных ценностей поколение профессоров «уваровского призыва» получило настолько сильную прививку лояльности, столь очевидную демонстрацию их персональной зависимости и зависимости их научной репутации от благожелательности «высшего начальства», что не захотело стать реальным борцом против этой узурпации».

коллизии между академической и бюрократической, публичной и частной сценами, на которых выступали профессора «уваровского призыва».

Библиография

- Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 86. К. 1. Ед. хр. 2.
Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 436. Оп. 1. № 22, 31.
- Белов М.В. Славянская тема в путевом дневнике П.И. Кепшена: от сентиментализма к романтической этнографии // Славяноведение. 2011. № 1. С. 95–104.
- Белов М.В. Варвары или братья? Балканские славяне глазами русских наблюдателей первой половины XIX века // Цивилизация и варварство: парадоксы победы цивилизации над варварством / под ред. В.П. Будановой, О.В. Воробьевой. Вып. 2. М., 2013. С. 316–335.
- Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х., Ильина К.А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М., 2012.
- Вишленкова Е., Ильина К. Об ученых степенях и о том, как диссертация в России обретала научную и практическую значимость // Новое литературное обозрение. 2013. № 4 (122). С. 84–107.
- Григорovich В.И. Донесения В.И. Григорovichа об его путешествии по славянским землям. Казань: [Б.и.], 1915. 281 с.
- Григорovich В.И. Очерк путешествия по Европейской Турции. Изд. 2-е. М., 1877.
- Досталь М.Ю. И.И. Срезневский и его связи с чехами и словаками. М., 2003.
- И это всё пройдет... Судьба и время: русские интеллигенты в начале XX в. Переписка Нестора Мемноновича Петровского и Сергея Ивановича Порфирьева (1899–1921 гг.). Казань, 2012.
- Недашковская Н.И. Историографический нарратив «путешествия в славянские земли с ученой целью» в допозитивистской славистике // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2012. Т. 154. Кн. 3. С. 136–141.
- Петровский Н.М. Путешествие В.И. Григорovichа по славянским землям // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. № 10. С. 203–261. № 11. С. 62–131. № 12. С. 205–236.
- Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель / издал В.А. Францев. Варшава, 1905.
- Русское и славянское языкознание в России середины XVIII – XIX в. (в библиографических очерках и воспоминаниях современников). Учебное пособие. Л., 1980.
- Сергеев А.В. Исторические взгляды В.И. Григорovichа. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978.
- Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь / отв. ред. В.А. Дьяков. М.: Изд-во «Наука», 1979. 430 с.
- Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян / отв. ред. Д.Ф. Марков и В.А. Дьяков. М.: Наука, 1988. 400 с.

Белов Михаил Валерьевич, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой Новой и новейшей истории, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород; belov_mihail@mail.ru

TRAVEL NOTES OF V.I. GRIGOROVICH IN THE CONTEXT OF SLAVIC-BALKAN TRAVELOGUES OF HIS TIME

The scientific travelogue of V.I. Grigorovich was created on the basis of his reports addressed to the director of Kazan educational district M.N. Musin-Pushkin. The reports were edited minimally. In addition to the conditions of the book release, it was probably the personal character traits and career path of the scholar that determined emotional and literary reticence of Grigorovich's travelogue.

Key words: V.I. Grigorovich, history of Slavic studies, travel literature.

Belov Mikhail Valerievich, Doctor of History, Head of the Department of Modern and Contemporary History, Nizhni Novgorod Lobachevsky State University; belov_mihail@mail.ru